

О Т З Ы В

Официального оппонента на диссертацию Лейбенсон Юлии Тарасовны «Интеллектуалы античных государств Северного Причерноморья», представленную к защите на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – Всеобщая история (История Древнего мира).

В истории античного мира процессы становления и развития культуры в значительной степени были связаны с выдающимися личностями, которые играли весьма важную роль в формировании представлений об окружающем мире и самих людях. Однако, современники редко оценивали их достижения по достоинству. Примеры, подобные истории с Демокритом, где человек был бы высоко оценен за достигнутые им познания в сфере науки даже в самой Элладе были весьма немногочисленны (Aelian. VII. 14; Plut. Cat. Maj. 22). Тем более, трудно было бы ожидать такой оценки от жителей государств, расположенных на окраине античного мира. Единственный известный на сегодня интеллектуал Северного Причерноморья, чью интеллектуальную деятельность сограждане высоко оценили и удостоили высокой государственной награды – увенчания золотым венком – Сириск, историк Херсонеса.

И проблема тут не только в том, что у греков не существовало однозначного определения интеллектуального труда. В зависимости от разных причин деятельность ученого греки могли рассматривать то – как искусство, то – как науку. А потому и оценки труда интеллектуалов были различными. Это обусловило небольшое количество источников по данной проблеме. А что касается интеллектуалов, выходцев из Северного Причерноморья, то сведения о них содержатся только в сочинениях античных и средневековых авторов, тогда как ни один собственно северопричерноморский памятник, за исключением разве что посвяtitельных надписей и надгробных эпитафий, вообще не сообщает об их деятельности.

Небольшое число источников по теме определило и сравнительно небольшую историографию работ, посвященных проблемам деятельности античных интеллектуалов. Тем более это касается трудов по истории северного Причерноморья. Достаточно отметить, что специальное монографическое исследование, посвященное интеллектуалам Северного Причерноморья, на сегодня отсутствует. Это делает предлагаемую диссертацию Ю.Т. Лейбенсон вполне **актуальной**.

Более того! Настоящая работа, насколько мне известно, вообще является первой попыткой обобщить все данные о представителях интеллектуальной элиты античных центров Северного Причерноморья. При этом автор не только собрал все имеющиеся данные о научной и практической деятельности интеллектуалов, но и представил наиболее полную на сегодня просопографическую базу исследователей-

интеллектуалов из городов Северного Понта, интерпретацию их научных и философских взглядов, в том числе и самую новейшую, подробно рассмотрел иконографический тип интеллектуала в скульптуре Северного Причерноморья и пришел к достаточно убедительным выводам о региональных особенностях античной интеллектуальной истории. Это определяет **научную новизну** исследования.

Во вводной части своей работы Ю.Т. Лейбенсон дает определение понятия «интеллектуал», относя к таковым тех, кто «являлись творцами собственных текстов – философских и исторических сочинений, ораторской прозы, поэзии», что, на мой взгляд, совершенно справедливо и наиболее близко к собственно античному пониманию того, что в современной литературе именуют «интеллектуальной деятельностью».

Предложенные автором хронологические и территориальные рамки исследования не вызывают возражений. Они охватывают период от возникновения интеллектуальной мысли до конца истории античного мира. А поскольку ряд мыслителей, уроженцев государств Северного Причерноморья, в дальнейшем жили и работали в ведущих центрах Эллады включение их в территориальные рамки исследования вполне логично.

Структура работы также, на мой взгляд, вполне соответствует поставленным задачам исследования. Работа состоит из введения, шести глав, заключения и приложений. Во введении автор обосновал актуальность темы исследования, определил состояние ее изученности, показав при этом хорошее знание источников и литературы, сформулировал цели и задачи своей работы, определил объект и предмет, хронологические рамки исследования, раскрыл его научную новизну и практическое значение полученных результатов.

В первой главе («Историография и обзор источников») автор дает изложение истории исследования своей темы, используя проблемный метод. Выделенные ей три проблемы исследования вполне обоснованны. Несколько необычно расположение автором источниковедческой части своего исследования после историографической. В исторических исследованиях более принято обратное их расположение. Вероятно, это связано с фрагментарностью большинства наших источников и неоднозначной, а порой и прямо противоположной, оценкой сведений источников в трудах их исследователей последующих времен, в результате чего эти данные во многом послужили источниковой базой последующего исследования. И вообще надо отметить, что выделение проблем источниковедения и историографии в самостоятельную главу в нашем случае вполне обоснованно, поскольку сам процесс исследования фрагментов античных произведений авторами последующих эпох позволяет в наибольшей степени приблизиться к пониманию того, что эти последние говорили и думали на самом деле.

Высказанные автором оценки выделенных им проблем исследования вполне справедливы и не вызывают сомнений. Завершается глава выводами,

позволяющими высоко оценить знание автором предмета своего исследования.

Три следующие главы («Философы и риторы античных городов Северного Причерноморья», «Авторы исторических и географических сочинений» и «Поэты античных государств Северного Причерноморья») посвящены конкретным представителям интеллектуальных профессий и их трудам. Автор предваряет их оценкой понимания античными авторами роли соответствующих наук. Думается, это правильное решение. Оно позволяет лучше понять и дальнейших ход рассуждений автора в оценке им героев своего исследования.

Все представленные автором интеллектуалы, выходцы из Северного Причерноморья, рассмотрены им с исчерпывающей полнотой и использованием практически всех основных, посвященных им исследований. Автор убедительно обосновал роль и место каждого в античной истории и науке и в каждой главе сделал вполне убедительные выводы о характере развития рассмотренных им направлений научной деятельности и ее роли, как в Северном Причерноморье, так и в античном мире в целом. Это большой плюс работы.

Имеющиеся некоторые расхождения или не вполне однозначные оценки тех или иных деятелей философии, истории, географии и поэзии немногочисленны и связаны у него с общим состоянием историографии вопроса. Так при характеристике философа Биона Борисфенита автор подчеркивает, что «никем из античных авторов он не отнесен к киникам» (с. 56), но далее, в оценке историографии, пишет – «для большинства современных исследователей Бион – киник или кинизирующий философ» (с. 57). Отметив это, автор делает абсолютно верное заключение, что «несмотря на важную киническую составляющую его тезисов, философию Биона нужно рассматривать как эклектическую, в ней прослеживалось влияние всех его учителей». И такое определение для оценки, скажем так, провинциального интеллектуала, вполне естественно. Но рассматривая далее характер его учения Юлия Тарасовна все же приходит к выводу, что «кинники оказали наиболее глубокое влияние на Биона» (58). Так все-таки, киник Бион или его философия по Эратосфену «напоминает пестрое платье гетеры» (Strabo. I. 2.2)? Каково Ваше окончательное суждение?

В оценке надписи Гекатея (КБН 121) я не могу согласиться с автором, которая склоняется к переводу и интерпретации ее проф. Альфредом Твардецким. Контекст надписи не дает никаких оснований для интерпретации термина *ἱερῶν κριμάτων* (священные решения) как «юридические решения члена религиозной коллегии». И ссылка А.Тварецкого на надпись Andania из Мессении тут не выручает, ибо последняя совсем другого характера и посвящена правилам мистерий в честь Деметры и Персефоны¹.

¹ Twardecki A. Whether orphic nor philisofer but mysterious // VIII Боспорские чтения. Керчь, 2007. С. 365.

Οὐ λόγον, ἀλλὰ βίον σοφίης ἐτυπώσαο δόξαν
 αὐτοδαῆς ἱερῶν γινόμενος κριμάτων.
 Εὔδων οὖν, Ἐκαταίε, μεσόχρονος, ἴσθ' ὅτι θάσσον
 κύκλον ἀνιηρῶν ἐχέφυγες καμάτων.

Не словами, но жизнью ты стал образцом славы мудрости.

Познав себя, ты вынес священные решения.

Так, Гекатей, отдыхая корифеем, знай, что

Ты избежал круга ежедневных забот. А. Твардецкий.

Ты запечатлел славу мудрости не словом, а жизнью.

Познав сам священные решения.

Итак, Гекатей, покоясь во цвете лет, знай, что

Ты сам скорее избежал круга мучительных страданий. КБН.

Еще одно замечание к данным главам относится к характеристике «Боспорского Анонима». Все-таки следовало бы отметить, какой из версий, предложенных в историографии, придерживается наш автор. Учитывая, что последним из отмеченных в сохранившихся частях труда Диодора назван царь Спарток III (304-284 гг. до н.э.) и при этом текст Диодора в этом месте не дает никаких оснований для суждения о том, что на этом он завершает историю Боспора, на мой взгляд, можно не сомневаться, что Диодор использовал хронику, составленную на Боспоре не ранее середины III в. до н.э. и дополнил ее в рассказе об Эвмеле, панегирическим трудом, также составленном боспорским автором, скорее всего, придворным. И это факт, несмотря на то, что античные авторы, писавшие о Боспоре, ни разу не упомянули ни одного местного историка.

Характеризуя поэзию Северного Причерноморья автор совершенно справедливо замечает, что составить профессиональный портрет северопонтийского поэта возможно только в общих чертах при учете основных особенностей метрических надписей, происходящих из государств этого региона. (С. 110). С этой целью Юлия Тарасовна тщательно рассматривает все сохранившиеся поэтические произведения северопонтийцев, сопоставляя их с общими особенностями античного поэтического творчества и подчеркивая связь процессов их развития.

Особенно интересно и полно рассмотрена биография и творчество Исилла Эпидавряннина (Боспорянина). Может быть даже излишне полно. Так, я думаю, не было особого смысла пересказывать в подробностях родословие Асклепия, написанное Исиллом. Достаточно было отметить, что этот вариант мифа не находит аналогий в многочисленных боспорских (и вообще северопонтийских) памятниках. Но это право автора.

Можно было бы отметить и еще один интересный факт, характеризующий боспорских поэтов. В свое время, рассматривая вопрос о

том, чью память увековечивали боспорские эпитафии, мы обратили внимание на отсутствие в них т.н. «поэтических штампов», т.е. на то, что ни одной одинаковой фразы в этих стихах нет!² А это значит, что даже несмотря на то, что большинство таких стихов были заказными и не всегда безупречными по размеру, их авторы проявляли несомненный талант, выдумку и стремление быть оригинальными. Разумеется, авторов надгробных эпитафий нельзя ставить в один ряд с выдающимися эллинскими поэтами, но, все же, это были люди хорошо образованные, владеющие законами жанра и знающими произведения своих великих коллег.

Кстати, в списке поэтов Боспора почему-то не представлен Гликарион, сын Гликариона³, которого считала поэтом первый издатель надписи А.И. Болтунова, хотя ссылка на ее работу в списке литературы есть. Уточните – в чем причина.

Говоря о подготовке к поэтическому творчеству на Боспоре, автор приводит в качестве примера надпись на известняковой плите из Боспора (КБН 150), которое, по мнению В.В. Латышева, является свидетельством того, что ученик резчика по камню тренировался в своем ремесле, вырезая часть стиха из «Илиады» (Ном. II. X. 252). Однако, ни сам В.В. Латышев, и ни один из последующих издателей не обратил внимания на 12 круглых и глубоких лунок, расположенных на поверхности плиты. Три из них изображены наискось по прямой линии и напоминают «пояс Ориона». Совершенно очевидно, что именно круглые лунки главенствуют на стеле, а надпись служит как бы фоном для них. И лунки, и текст вызывают достаточно четкие ассоциации с астрономическими изображениями на парапегмах. Так что в данном случае перед нами может быть не просто пример работы ученика, а пример использования стиха Гомера при оценке астрономических наблюдений⁴, т.е. в практической жизни, что также подтверждает большую роль поэзии и хорошее ее знание в Северном Причерноморье и на Боспоре, в частности.

В пятой главе (Тип изображения интеллектуала в мемориальной скульптуре античных городов Северного Причерноморья) автор обобщает результаты исследований своих предшественников о внешнем виде, типе одежды, обуви и т.п. интеллектуалов (преимущественно философов) в Элладе и Риме, и сопоставляет их с результатами исследования деталей мемориального портрета, представляющего иконографический тип интеллектуала в Северном Причерноморье. Методические принципы исследования автора в данном случае выглядят достаточно убедительными, а главные выводы – то, что традиция изображения интеллектуала в скульптуре и живописи в Северном Причерноморье складывается в эллинистическое

² Молев Е.А., Молева Н.В. ΜΝΗΜΗΣ ΧΑΡΙΝ: чью память увековечивали боспорские надгробные эпитафии // В тени Мнемозины: коммеморативные практики в обществах прошлого. Сборник научных трудов / Под ред. А.Н. Маслова, А.В. Махлаюка. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2015. С. 37.

³ Боспорские надгробия II в. до н.э. – III в. н.э. Киев, Містецтво, 2009. № 50.

⁴ Молева Н. В., Молев Е. А. О счислении времени годового цикла на Боспоре // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Серия «История. Исторические науки». Т. 2(68). № 1. 2016. С. 166-167.

время (с. 138), и то, что надписи, свидетельствующие об учености или мудрости умершего и рельефа, где он показан в гиматии, в ораторской позе, со свитком позволяют судить о существовании традиции портрета философа в Северном Причерноморье вполне совпадают и с нашими наблюдениями.

В последней главе диссертации (Место и роль северопонтийских интеллектуалов в культурной жизни Эллады и государств Северного Причерноморья) автор обобщает результаты своих исследований в предыдущих главах и фактически подводит итоги своим исследованиям. В силу этого выводы ее отчасти повторяются и в заключении. Выводы автора о вкладе интеллектуалов Северного Причерноморья в процесс формирования взглядов сограждан, формирование их культурной идентичности, роли варварского элемента в их составе и влиянии на аккультурацию народов, окружавших греческие колонии вполне обоснованны. И они более всего подтверждаются тем, что отрывки из их произведений, в той или иной степени, вошли в сочинения античных и средневековых авторов.

В заключении подводятся итоги исследования, намечаются перспективы дальнейшего изучения деятельности античных интеллектуалов Северного Причерноморья.

В целом работа производит благоприятное впечатление и по содержанию, и по оформлению. Число опечаток и несогласований в тексте незначительно, что свидетельствует и о хорошей филологической подготовке автора. Автором, несомненно, проделана очень большая и серьезная исследовательская работа. Особенно хорошо, что автор прекрасно иллюстрировал свои рассуждения в приложениях, что позволяет лучше понять логику его мыслей и делает его аргументы более убедительными. Положительным является и то, что в заключении каждой главы автор делает выводы вытекающие из рассмотренного материала. Несмотря на высказанные нами сомнения и замечания общая концепция автора вполне может иметь право на существование.

Практическое значение полученных результатов заключается в возможности использования выводов диссертационного исследования при написании научных работ по истории Северного Причерноморья в античный период, при подготовке специальных курсов по истории и археологии Древней Греции и античных полисов Северного Причерноморья, в музейной работе, при подготовке новых экспозиций, а также при создании или пополнении сайтов в сети Интернет.

В целом, представленная к защите диссертация Юлии Тарасовны Лейбенсон «Интеллектуалы античных государств Северного Причерноморья» является новым, вполне актуальным, самостоятельным исследованием, имеющим важное научно-теоретическое и практическое значение. Характер и объем проделанной работы, использованные в ней методы и результаты, полностью отвечают требованиям пункта 7 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор Юлия Тарасовна Лейбенсон

заслуживает присуждения ей искомой ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – Всеобщая история (История Древнего мира).

Автореферат диссертации полностью соответствует тексту диссертации, написан хорошим научным стилем и дает полное представление о диссертации. Публикации соответствуют теме диссертации и раскрывают наиболее важные ее положения.

Доктор исторических наук, профессор
кафедры истории Древнего мира и
классических языков ИМОМИ ННГУ
им. Н.И. Лобачевского

Евгений Александрович Молев.

603163, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23.

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Нижегородский
государственный университет имени Н.И. Лобачевского
(национальный исследовательский университет)»,
molev.eugeny@yandex.ru

+7 987 753 49 16

Подпись Е.А. Молева удостоверяю:
Начальник управления персонала
ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Н.Н. Буреева.